

**ПРОИЗВОЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ
КАК МЕХАНИЗМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ**

Понимая языковую игру (ЯИ) как особую форму лингвокреативного мышления¹, мы рассматриваем ее стратегию как многофакторный процесс множественной интерпретации знаковых единиц, выявляющий их ассоциативный потенциал в системе языка и создании конкретных индивидов, способность говорящих к использованию нестандартного лингвистического кода при конструировании новых лингвистических объектов или при истолковании уже готовых языковых единиц. Активизация языковой рефлексии говорящих и интуитивное или осознанное переключение стереотипов языкового сознания при выборе «равновероятных» (но не реализованных, не представленных в норме и узусе) возможностей мотивационной интерпретации знака создает парадокс восприятия пересмысленных языковых форм на фоне общепринятых значений лексических единиц. Природа ЯИ как спонтанно проявляющегося творчества со всей полнотой обнаруживается в сфере детской речи (ДР), за которой стоит особое ментальное пространство, без ограничений реализующее потенциал языка (показательна в этом отношении проведенная Л. Витгенштейном аналогия между механизмами языковой игры и процессом усвоения языка в онтогенезе). Постижение детьми языковых алгоритмов (словопорождения, словоупотребления, семантизации и т.п.) и возможностей их реализации в конкретной речевой деятельности создает условия не только для непреднамеренных, но и для преднамеренных отступлений от языкового канона (преднамеренной ЯИ в детской речи). В первом случае окказиональные «инновации» ДР есть следствие недостаточной языковой компетенции (незнания нормативных реализаций системы), обуславливающей отклонения от стереотипных форм выражения мысли (ср. явления сдвинутой референции, расширения и сужения значений слов в ДР, создание словообразовательных окказионализмов, компенсирующих отсутствие в узусе или в языковом опыте ребенка ситуативно значимых номинаций, парадоксальную мотивацию незнакомых слов, в том числе на основе ложной этимологизации и т.п.). Эти факты ДР осознаются как необычные (комичные) чаще всего вне сферы своего возникновения (лишь взрослыми носителями языка). В то же время опыт «языкотворчества» (творения детьми собственного языка) по мере становления языковой способности ребенка может перерасти в осознанный мотив – преднамеренную ЯИ, когда ребенок понимает условность производимых манипуляций с языковой формой и значением и делает это ради удовольствия, доставляемого самим «экспериментом» над языковым знаком. Согласно Д.Слобину, «...адекватность теории языковой способности зависит от того, до какой степени она может предсказать языковую активность...», последняя выявляет «...важнейшие психологические факторы, определяющие переход от знания о языке к его употреблению»². Считаем, что установка ребенка на ЯИ как проявление инициативы в эксперименте с языковыми формами и значениями есть один из психологических факторов, определяющих языковую активность, и показатель творческого начала языковой личности, соответствующий уровню ее когнитивного развития.

Одно из характерных для онтогенеза потенциальных направлений ЯИ представляет собой произвольная мотивация, выступающая средством семантизации (толкования) детьми незнакомых (непонятных) слов. Частным случаем произвольной мотивации вы-

¹ Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

² Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976. С. 57–58.

ступает парадоксальная семантизация слова на основе ложноэтимологических ассоциаций (ср. *пульверизатор* – «тот, кто пулями стреляет»). Однако специфика произвольной мотивации особенно явственно предстает в тех случаях, когда семантизации подвергается производное слово, обладающее, казалось бы, прозрачной внутренней формой (ВФ). Известно, что в детской речи активно действует тенденция к осознанию мотивированности языкового знака, что определяет стремление ребенка истолковать значение слова через его ВФ, указывающую на признак, который лег в основу наименования. Но в большинстве производных слов выведение значения через их мотивационную форму носит вероятностный характер, ввиду того что мотивационное и лексическое значения не покрывают друг друга; производное слово идиоматично по своей семантике (его значение не складывается из суммы значений составляющих: лексической основы и словообразовательного форманта). Невосприятие идиоматических приращений, определяющих особенности семантики производного слова, традиционно рассматривается как причина произвольной мотивации таких слов в ДР. Считается также, что идиоматичность не совместима с конструированием слова в момент порождения речи и проявляется только как фактор восприятия слова³. Невладение идиоматикой производной лексемы (незнание ее ребенком) приводит при восприятии слова к буквальному, упрощенному «прочтению» его ВФ и значения (ср., например, *писатель* – «тот, кто пишет» – без учета идиоматического приращения «создает художественные литературные произведения»: *Я теперь не читатель, а писатель, потому что уже научился писать*). Нам более близок другой взгляд на природу идиоматических приращений, согласно которому идиоматизация значения создается в самом процессе порождения слова⁴, который не задает жесткой схемы его толкования, а лишь профилирует будущее значение, реализуя один из возможных аспектов денотативной отнесенности и осмысления лексем определенной морфодеривационной структуры (ср., например, возможность разной тематической ориентации суффиксов с общим значением «носитель процессуального признака», реализуемого в частных значениях «лицо как производитель действия» и «предмет, орудие действия»). Еще более подвижен устанавливаемый номинатором в момент создания слова релятивный компонент словообразовательного значения, а также ассоциативный аспект восприятия обозначаемого через один и тот же лексический мотиватор. Ср., например, толкования детьми узуальных слов, полученные в экспериментальных условиях (школьникам среднего звена было предложено объяснить значения узуальных производных слов с идиоматичной семантикой типа *крючник*, *бегемотник*, *болотник*, *бодряк*, имеющих либо специальное значение, либо диффузное экспрессивное употребление): *крючник* – «тот, кто делает крючки», «тот, кто продает крючки»; *бегемотник* – «человек, который кормит бегемотов», «место, где живут бегемоты» (ср. узуальное значение «болотистая местность, где водятся бегемоты»), «помещение, где содержат бегемотов»; *болотник* – «трава, которая растет на болоте», «тот, кто живет на болоте» = *птица - цапля*; «тот, кто живет в болоте» = *нечисть болотная*; «один сапог», ср. *болотники* – «сапоги болотные» (обувь, в которой ходят по болоту); *бодряк* – «бодрый человек», «рабочий у станка», «ответ отличника на уроке», «тот, кто не спит на уроке», «холодный душ» и т.п. Реконструируя при осмыслении слова сам акт его производства, дети придают наименованию новую, окказиональную идиоматичность, осуществляя когнитивную процедуру соединения заданной языковой формы с личностным пониманием стоящей за словом «реальности». Весьма показательны и толкования, отражающие осмысление мотиваци-

³ См.: Михайлов М.А. Речевая номинация и выделительность морфем. Красноярск, 1989.

⁴ См.: Панова А.А. Идиоматичность имен существительных и ее возникновение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1977.

онного признака на основе метафорических (часто отфразеологических) ассоциаций, что в полной мере соответствует одной из тенденций (причин) идиоматизации производных слов, например: *ветряк* – «человек, который промотал все свои деньги» (ср. выражение *пустить деньги на ветер*), «тот, кто распускает сплетни» (ср. *разнести как по ветру* – о сплетнях), «беззаботный человек» (ср. *ветренный человек*); *крючник* – «человек с кривыми ногами» (искривленными, как крюк), «неумеха» (ср. *руки как крюки*); *бегемотник* – «очень большая ванна» (ассоциативная связь «большая, как для бегемота»); *головастик* – «отличник» (ср. *голова, с головой* – об умном человеке), *грызло* – «злой человек, который всем недоволен» (ср. *грызть кого-л.*, перен. «постоянно придирается к кому-н., бранить»). Приведенные примеры толкований производных слов на основе их произвольной мотивации, во-первых, вполне соответствуют подобным фактам в спонтанной ДР, что свидетельствует о естественности данного мотивационного механизма в освоении детьми законов словопорождения (ср. многочисленные примеры создания детьми потенциальных слов, допускающих неоднозначную словообразовательную интерпретацию и понятные только из контекста: *Я сегодня был держателем флажка // У двери есть такой держатель, чтоб она широко не открывалась*); во-вторых, даже при отсутствии в эксперименте установки на шутовское толкование предложенных слов дети нередко явно «играют» в придумывание таких объяснений, понимая их нереальность (см., например, толкования слова *бодряк* – «ответ отличника», «рабочий у станка»). Таким образом, намеренная условность мотивировки (понимание ее несоответствия реальному значению слова, даже при незнании последнего) и стремление к нестандартности толкования «переводят» интерпретацию значения производного слова в разряд осознанного приема ЯИ. В основе этого приема лежит механизм свободного перехода от одного мотивационного кода семантизации знака к другому, позволяющему по-новому представить стоящий за словом «объект» (переключить мотивационный стереотип его восприятия в иное русло) или дать слову абсолютно парадоксальную трактовку (полностью изменить его смысл по сравнению с узуальным). Естественно, что такая игра должна отражать ментальные и языковые ориентиры ребенка в понимании того, что создает эффект шутки при толковании слова.

Предположение о способности ребенка к использованию описанного мотивационного механизма ЯИ подвергалось экспериментальной проверке с привлечением испытуемых среднего школьного звена (всего 25 человек). Экспериментальное задание «дать шутовское толкование предложенным словам» (всего 4 узуальных производных слова) предполагало выявление способности детей моделировать игровой ассоциативный контекст слова в опоре на ВФ. Для толкования предлагались слова *зеленушка*, *лимонница*, знакомые детям ввиду их принадлежности к специальной лексике (названия бабочек); эти лексемы содержат идиоматические приращения, связанные с вариативностью и поэтому непредсказуемостью их тематической ориентации; *желтуха* (название болезни) – известное детям слово, также в потенциале обладающее вариативным спектром денотации (может обозначать все, характеризующееся признаком «желтый»), *чернила* – слово с ВФ, в известной степени лексикализованной по причине расширения первоначального значения (ср.: *красные, зеленые чернила*), однако сохраняющее прозрачную связь с мотиватором *черный* и поэтому вполне допускающее новые варианты интерпретации.

Полученные в эксперименте толкования показывают, что процесс произвольной мотивации слов с прозрачной ВФ опирается на интерпретационную многомерность ассоциативных параметров лексического мотиватора и вариативность релятивного и тематического компонентов значения словообразовательного форманта. Эффект ЯИ осознается тем ярче, чем менее прогнозируемым оказывается толкование слова в плане его соответствия возможной узуальной семантизации.

Отметим основные направления развития ассоциативной стратегии произвольной мотивации при актуализации различных аспектов семантики лексического мотиватора: 1) обнаружение

многозначности лексического мотиватора, создающей возможность разного осмысления одной и той же морфодеривационной структуры: *зеленушка* – от *зеленый* ‘цвета листьев, травы’ (возможная тематическая специализация модели – растение), ср. толкование *елка*, сопровождаемое комментарием «зимой и летом одним цветом» (детская загадка); актуализация ВФ слова *зеленушка* ассоциативно направлена на поиск наиболее «типового» (выделяемого по данному признаку) объекта; предсказуемость ассоциативной связи *зеленушка* – *зеленый* – *елка* высоко вероятно; шутливый характер толкованию придает только разговорно-ласкательная коннотация суффикса *-ушк(а)*; *зеленушка* – от *зеленый* в значении ‘бледный’, ‘землистого оттенка’ (разг. о цвете лица) – экспрессивно-оценочная характеристика внешнего вида человека (равновероятна для номинации лиц как женского, так и мужского пола), ср. *зеленушка* – «больной» (наиболее предсказуемое толкование по связи с актуализированным значением мотиватора), «женщина, позеленевшая от злости» (ситуативно ориентирующее шутливое толкование, что делает его менее предсказуемым и более ярким с точки зрения эффекта ЯИ); *зеленушка* – от *зеленый* ‘молодой, неопытный’, ср. толкование «первоклассника», которое органически могло бы «ввести» слово в разряд жаргонизмов; 2) актуализация ситуативно заданных аспектов восприятия значения лексического мотиватора на основе метонимических ассоциаций: *зеленушка* – «ветрянка» (болезнь при которой кожа больного смазывается *зеленкой*, ср. *зеленка* – лекарство, жидкость *зеленого цвета* на спирту); *зеленушка* – «психушка» (ассоциативная связь мотиватора *зеленый* с *психушка* поддержана структурной аналогией, а кроме того, ситуативной метонимической связью (отражением в сознании ребенка ситуативной пресуппозиции *зеленый забор* – *психбольница*); *зеленушка* – «синяк второй стадии развития» (интересен факт «лексикализации» ВФ слова *синяк* и отражение в шутливом толковании тенденции к созданию ситуативно уточняющих номинаций, характерных для детской речи, ср. *красняк* – «кровоподтек красного цвета», *зеленушка* – «синяк зеленого цвета»; аналогично соотношение уточняющих детских номинаций слова *синяк* – *серяк*, *желтяк*, *красняк*, *беляк*, зафиксированных нами в естественной речевой ситуации; 3) актуализация этнокультурных ассоциаций при осмыслении морфодеривационной структуры слова: *зеленушка* – «кикимора болотная» (ср. развертывание ассоциативной связи *зеленый* – *болото* – *кикимора болотная* – по представлениям русских одно из сверхъестественных существ, населяющих болото); «русалка» – актуализация представлений о внешнем облике мифологического существа (ср. комментарий испытуемого: «У русалок зеленые глаза, волосы в зеленых водорослях»); «царевна-лягушка» (ср. *зеленый* – *лягушка* – *царевна* в образе *лягушки* – сказочный персонаж); 4) омофоническое «прочтение» (переразложение, членение) слова на основе произвольных фонетических сближений: *зеленушка* – *зеленый ужск(а)* – уменьшит. от *уж* (выход за «предел» семантического варьирования, потенциально заданного данной морфодеривационной структурой).

Во всех приведенных толкованиях слова *зеленушка* шутливый смысл подчеркивается коннотацией разговорности, уменьшительности, ласкательности или уничижительности, свойственной суффиксу *-ушк(а)*. Суффиксальное оформление слова определяет и возможность варьирования его референтной (номинативной) функции, выявляя потенциал тематической специализации данной словообразовательной модели, широкий диапазон ее денотативной отнесенности: ср. *зеленушка* – растение, название болезни, помещение, названия мифологических существ и т.п.

Ср. аналогичные направления шутливой семантизации существительного *лимонница*: 1) «любительница лимонов» – от *лимон* при актуализации смысла «съедобный фрукт», что определяет содержание релятивного компонента мотивационно-словообразовательного значения производного *лимонница*: «лицо женского пола, склонное к частому употреблению лимонов в пищу»; ср.: *лимонница* – «та, что выращивает лимоны» – от *лимон*, осмысленного в свете пресуппозиции «специально разводимый вид цитрусовых»; актуализация данного смысла определяет другое направление конкретизации мотивационно-словообразовательного

значения: «лицо женского пола, занимающееся выращиванием лимонов». Как видно из приведенных примеров, релятивный компонент словообразовательной семантики – «имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим словом» – наполняется разным содержанием в зависимости от актуализируемых аспектов значения мотиватора и является изначально идиоматичным, не выраженным в мотивационной форме производного; такая мотивационная идиоматика и создает возможность ЯИ при осмыслении формально тождественных морфодеривационных структур; 2) *кислая мина* (от *лимон* в значении «фрукт» при актуализации признака «кислый» и ассоциативном осмыслении ВФ слова *лимонница* в опоре на переносное значение эквивалентного прилагательного *кислый* «о недовольном выражении лица», ср. образное представление данного значения во ВФ слова *лимонница* на основе мотивации «кислое, недовольное выражение лица, как будто лимон съел(а)»). Ассоциативный параллелизм ВФ слова, возникающий при такой шутильной трактовке, усиливает игровой эффект; 3) «сберкасса», «миллионерша» – от *лимон* в значении «миллион» (жарг.) при актуализации мотивационных значений «место, где хранятся большие деньги (миллионы = лимоны)» и «обладательница миллионов = лимонов»; 4) «цена 1 кг лимонов, доступная только миллионеру» (мотивация базируется на ассоциативном, ситуативно заданном наложении омонимичных значений мотиватора *лимон*: «дорогостоящий фрукт» и «миллион»); 5) «склад для хранения лимонок», «женщина-боец» – от *лимонка* «ручная граната»; 6) «дорогая поездка в Ниццу» (толкование, основанное на омофоническом отождествлении финали (суффиксальной части) существительного *лимонНИЦА* с топонимической номинацией *Ницца* при актуализации у мотиватора *лимон* значения «миллион»). Толкование имеет характер ложно-этимологического каламбура.

Можно констатировать, что прозрачность мотивационной формы производного слова при незнании его значения задает широкий диапазон смысловой вариативности таких наименований и провоцирует говорящего (ребенка) на «упаковку» в уже готовую морфодеривационную структуру потенциальных (основанных на внеязыковых и языковых пресуппозициях, отражающих уровень развития языкового сознания) смыслов лексического мотиватора в рамках «уточнения» (конкретизации) заданного моделью спектра денотативной (тематической) отнесенности слова. Чем абстрактнее мотивационное значение, например, «все, что имеет отношение к признаку зеленый», тем свободнее интерпретатор в ассоциативном поиске, отправной точкой которого является ВФ слова.

Толкования слов *желтуха* и *чернила*, значения которых детям известны, обнаруживают следующие тенденции их произвольной шутильной мотивации: 1) актуализация компонентов значения узуального слова при «моделировании» его новой морфодеривационной структуры (нового мотивационного контекста) на основе парадоксального омофонического членения: *желтУХа* – «ухо при болезни Боткина» (ср. *желтуха* – «болезнь печени = болезнь Боткина, сопровождающаяся пожелтением кожи»); отметим, что компонент «болезнь» в узуальном значении слова является идиоматичным, закрепленным за данной моделью (словом) языковой традицией (нормой), но потенциально вариативным (сущ. с суф. -ух(а) могут называть, например, лицо ж. пола и т.п.). В шутильном толковании денотативная сема «болезнь» становится ассоциативно-характерологической (*желтуха* = желтое ухо как проявление болезни Боткина); ср. *желтуха* – «женщина с болезненным цветом лица», в толковании которого просвечивает узуальное значение существительного (актуализация значения прилагательного *желтый* – «нездоровый цвет» лица + ассоциативное приращение «как при желтухе»); 2) сохранение морфодеривационной структуры узуального слова при включении мотиватора в новые ассоциативные ряды, не связанные с известным, общепринятым его значением: *желтуха*; «цыпленок» (актуализация фонового ассоциативного признака прилагательного *желтый* – «цвет оперения цыпленка», ср. частотность сочетания *желтый цыпленок*; возможно, актуализируется и связь с *желторотый птенец*; «осень» (буквально «время пожелтения листьев») – мето-

нимическое развертывание ассоциативной связи: *желтый* – *цвет листьев осенью* – *осень*; «светофор на сигнале “жди”» (актуализация символического значения мотивирующего прилагательного в устойчивом сочетании *желтый свет* (светофора) = «знак регулирования дорожного движения»).

Полученные в эксперименте шуточные толкования слова *чернила* лишь в двух интерпретациях содержат связь с его узуальным значением: *чернила* – «мазилка» и «замарашка» (очевидно, характеристика того, кто «небрежно пишет, размазывая чернила, оставляя кляксы» или «испачкался чернилами»). Большинство же толкований актуализирует разные аспекты ассоциативного осмысления мотивационного признака черного цвета, не учитывая (намеренно игнорируя) идиоматичный компонент «жидкость для письма» в узуальном значении слова *чернила*. Примеры таких толкований: «сумерки», «знаменитая картина Малевича» (= «Черный квадрат»); рабы из Египта; ср. игровое омофоническое толкование: *чернила* = *чернь Нила* «бурлаки с Нила» (здесь актуализирован двойной смысл: *чернь Нила* – чернокожие рабы (бедняки), выполняющие тяжелую работу, подобно бурлакам в России). Можно отметить, что шуточная произвольная мотивация слов этой группы может опираться на узуальное значение (и в этом случае яркость эффекта ЯИ повышается при ассоциативном наложении общепринятого и окказионального смыслов); другим типом шуточной семантизации является моделирование нового мотивационного контекста восприятия узуального слова без опоры на его реальное значение (факторами удачности подобных толкований выступает их оригинальность – способность к установлению отдаленных ассоциаций).

Как и предполагалось, слово *чернила* с частично лексикализованной ВФ оказалось потенциально реинтерпретируемым на основе его узуальной морфодеривационной структуры. Для сравнения приведем полученные также экспериментальным путем шуточные толкования слова *забрало* – историзма, деэтимологизированной лексемы (ср. исконную связь слова с общеславянским *bortī*, рус. *бороть*, *забор*): все толкования обнаруживают тенденцию к сближению с псевдомотиватором *забрать* и приспособлению его значений к словообразовательной семантике модели. Ср.: *забрало* – «рука вора» (тот, кто забирает чужое, запускает руку в чужой карман); «служащий налоговой инспекции» (тот, кто берет налог, забирает деньги у налогоплательщиков), «телефон-автомат» (автомат, который «глотает», забирает монетки), «милиционер» (ср. выражение *забрать в милицию*), «жадина» (стремится забрать себе как можно больше), «Плюшкин» (культурологическое толкование: литературный образ как символ «бездумного накопительства»). Интересны интерпретации слова через одноструктурные антонимические ассоциаты: *забрало* – *вернуло*, *отдало*; синонимические толкования *забрало* – *прибрало* (ср. выражение *прибрать к рукам* – «завладеть чем-л., захватить себе что-н.»). Различие между мотивационной интерпретацией слов с прозрачной и лексикализованной (частично или полностью) ВФ проявляется в основном на фазе «выбора» мотиватора из однокоренных, омонимичных или созвучных слов, но практически не влияет на сам ход ассоциативного процесса произвольной мотивации.

Таким образом, шуточная произвольная мотивация представляет собой псевдореконструкцию процесса словопорождения, сообщая узуальному производному слову новую содержательную интерпретацию и новую идиоматику. Окказиональная семантизация готовой морфодеривационной структуры показывает, что идиоматичность мотивационного значения возникает в результате нерелевантности этой структуры для выражения всех нюансов замысла говорящего (номинатора). Игровое ассоциативное поле, создаваемое, моделируемое произвольной (в том числе ложноэтимологической) мотивацией узуального производного слова, выявляет интерпретационную многомерность потенциально идиоматичных морфодеривационных структур и широкий диапазон аспектуального осмысления лексического мотиватора и денотативной вариативности словообразовательного форманта.